

Сергей Герасимов

Самая опасная профессия

Сергей Владимирович Герасимов

Самая опасная профессия

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156412

Содержание

Самая опасная профессия	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сергей Герасимов

Самая опасная профессия

Пациент рассказывал, лежа на кушетке. Кушетка была холодной, покрытой белой простыней, а простыня наводила на мысль о больнице. Хотя это была не больница, а всего лишь частный кабинет дорогого психиатра. Или модного психотерапевта, если больным так больше нравится. Или экстрасенса, если вы уж совсем отчаялись.

Пациент начал рассказывать, и психиатр включил магнитофон. Он всегда фиксировал беседы, не столько для того, чтобы прослушивать их потом самому, сколько для того, чтобы иметь материал для лекций.

Сегодняшний посетитель жаловался на то, что он больше не может писать стихи. Во всем его облике, в словах, в жестах, в манере держаться сквозила легкая ненормальность, и психиатр это сразу отметил. Это еще не болезнь, но хождение по канату над пустотой болезни. Итак, он не мог писать стихи. Ну и что?

– Это для вас так важно? – спросил врач.

– Конечно. Это самая важная вещь в моей жизни.

– Вас когда-нибудь печатали?

– Тысячу раз. А вообще я поэт-песенник. У меня несколько хитов. Последний вот этот.

И он напел куплет, который уже несколько месяцев звучал на каждой улице, на каждом базаре и почти в каждом подземном переходе метро.

– Да, это очень популярная песня, – согласился врач, – Неужели ваши стихи?

Рассказывайте, рассказывайте.

– Сегодня мне исполнилось тридцать шесть лет, – продолжил посетитель, – а свои последние строчки я написал за два дня до того, как мне исполнилось тридцать пять. Вот уже год и два дня я не могу писать. У меня вообще исчезла способность подбирать рифму.

– Этого не может быть, – сказал врач, – дайте мне, например, рифму на слово «простой».

– Золотой. Но это не моя рифма, а Пушкина. «орешки не простые, все скорлупки золотые». Своей у меня нет. Я не могу найти рифму даже со словарем.

– Неужели?

– Да.

– Это серьезно, – сказал врач. – Возможен или истероидный характер, или поражение нервной системы. Но не хочу вас пугать. Обычно все проходит без следа. Я помню, было даже такое, когда врач начинал забывать названия лекарств, а у одного танцора наступал паралич ног, как только он собирался танцевать. Вам нужно отдохнуть, сменить занятие. Я выпишу рецепт. Если это не поможет, придется заняться более серьезным лечением. Все ведь зависит от причины. Если

это органическое поражение, например, микроинсульт, то...

– Да знаю я причину, – сказал поэт.

– Знаете?

– Знаю. В этом вся и проблема. Но если я вам расскажу, вы примете меня за сумасшедшего.

– Ничего страшного. Вы пришли в правильное место, – туманно возразил врач.

– Ага. Но мне уже все равно. Поэты ведь особые люди. Они все в чем-то сумасшедшие. Я например, всегда слышал голоса...

– Так, – заинтересовался врач. – Это связано с вашими голосами?

– Еще как связано. Но это не такие голоса, которые звучат в ушах всяких психов. Иногда на меня что-то находит, и я хватаю карандаш, обязательно карандаш, простой и остро заточенный, и начинаю писать. Поэтому я всегда ношу мой карандаш с собой. Я записываю стихотворение от начала до конца. Мне диктует его голос. Иногда голос прерывается и мне приходится додумывать строчки самому. Иногда голос просто не приходит. Тогда мне приходится ждать его недели или даже месяцы. Но я знаю, как правильно настроиться, чтобы он пришел, я все же не любитель. Я профессионал. Один раз я начал писать прямо в кресле стоматолога – и моему зубу пришлось подождать. Потому что голос ждать не может.

– Простите, я вас перебыю, – сказал врач, – вы пьете?

– Вопрос понял, спасибо. Как все. И курю. И даже попробовал кое-что поинтереснее. Поэт должен все познать на себе. Но я осторожен, я храню свой мозг так, как оперный тенор хранит свое горло. Это инструмент для зарабатывания денег. Ответ принят?

– А теперь ваш инструмент не работает?

– За два дня до моего тридцать пятого дня рождения я заканчивал текст песни, той самой, которая стала хитом, той самой, которая принесла мне кучу денег и даже славу. Мне не удавался припев. Я работал уже много часов и достиг сверхизмученного состояния, когда не видишь уже ничего и ничего не можешь.

Остались одни нервы и одно упрямство. Я должен был это закончить и все тут. Но голоса не было. Иногда я слышал какие-то обрывки, но это была чепуха на постном масле. Я злился все больше и больше. И вот в какой-то момент я перешел черту. Это была очень четкая черта, как будто я перешел горный перевал и подъем сменился спуском. Я ощутил, что моя жизнь мне надоела, что мне больше не хочется жить. Если бы у меня был пистолет, а особенно такой, который убивает без боли, я бы просто взял его и застрелился. Многие ведь поэты стреляются.

Маяковский, например. Другим просто не хватает мужества. Или пистолета.

И вот в тот момент, когда я это почувствовал, голос внутри меня проснулся.

Но он не продиктовал мне следующую строчку, нет. Он просто предложил обмен: строчку на жизнь.

– То есть, – уточнил врач, – он диктует вам стихотворение и вы умираете?

– Да, вроде этого. Он пообещал убить меня, но не сразу, а в мой день рождения. А день рождения был через два дня. Зато он пообещал, что строчки будут отличными, а песня будет иметь успех. А вы бы согласились?

– Ни за что, – сказал врач.

– Это потому что вы не поэт. Для поэта, если он только не полный халтурщик, творчество значит больше чем жизнь. Это такая профессия, опасная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.